

Александр
Ильин - Руськов

БЕССОВЕСТИНОЕ ВРЕМЯ

18+

Александр Калинин – Русаков

Бессовестное время

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Калинин – Русаков А. Н.

Бессовестное время / А. Н. Калинин – Русаков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Память цепляется за прошлое, заставляет искать дорогу назад. Находим, шагаем по ней и с тревогой ждём, что, вернувшись, не найдём там низенькой калитки, из которой вышли когда-то в этот огромный мир...Автор фото на обложке - Дарья Гусар.

© Калинин – Русаков А. Н., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Бессовестное время	6
Глава 1. Свидетель	6
Глава 2. Аристарх	12
Глава 3. Дорога в Сибирь.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Бессовестное время

Глава 1. Свидетель

Города, они сродни людям, все разные. Есть землепашные, что на жирных землях и к теплу близко. Народ в них кряжистый, от работы в поле крепкий. Есть города заводские или рудные, как на Урале. Там, не видя свету, ищут в горе мужики камушки цветные, медь, золото. После металл льют, красоту творят. Другие, что у края студёной воды, морским промыслом занимаются... Получается, что у каждого города своё назначение.

Тобольск в их ряду всегда занимал особое место – купеческое. А всё оттого, что торговая дорога из Китая в Россию и обратно проходила ровнёхонько под его белокаменными стенами. Шумели от этого базары обилием сибирского меха, рыбы, китайского шёлка, чая, фарфора, пряностей.

Только богатству не живётся в одиночку. Вслед за собой оно непременно приведёт просвещение. Случается это от осознания того, что полных сундуков недостаточно для понимания сути бытия, раскрытия глубин мироздания или постижения самой обыкновенной грамоты. Тут-то и начинаются поиски смысла жизни, вопросы ко всевозможным наукам образуются:

– Зачем ты здесь? Почему это устроено так, и кто к созданию сего причастен? Может, самый обычный человек, а может, и Бог?..

Просвещение открывает двери ко многим ценностям, как мирским, так и духовным. Расцвел от этого Тобольск храмами, монастырями, соборами, воскресными школами, гимназиями. Пришло время, столицей стал для всей Закаменной Руси. Государи относились к Сибирской столице поособому. Другие города равнялись на него, будто на верхнюю пуговицу царского мундира. События, порой смешные, порой не очень, а нередко и трагические, не заставляя себя ждать, подгоняли время. Каждое из них спешило не только состояться, но и как можно лучше показаться и запомниться горожанам.

Сторожевая башня огневого надзора на Почтамтской, в простонародье – каланча, за год появилась в подгорном Тобольске подневольным старанием разномастного ссыльного люда. Исполняя возложенную миссию, долгие годы она исправно несла службу, оберегая жителей города от огненной стихии.

Только, наблюдая подслеповатыми глазами окошек за чередой ускользающего навсегда времени, неожиданно для себя она поняла, что из-за своего исключительного расположения именно ей выпало стать свидетелем не чего-нибудь, а жизни целого города с повседневными хлопотами, великими свершениями, трагическими потрясениями, происходящими в буквальном смысле у её ног.

Проявляя излишнее любопытство, деревянное тело её со временем даже слегка наклонилось в сторону главной площади города – Плацпарадной, куда вместе с ней смотрели окна Губернаторского дома, лепной фасад Корнильевского особняка, торговые ряды купца Турусова.

Одного не мог понять бессловесный свидетель на Почтамтской...

– Отчего же это всё вокруг, что казалось всегда неизблемым и вечным, стало вдруг рушиться? Зачем новому времени потребовалось поменять не только облик людей, их жизнь, а и мысли, поступки?

– А может, и не время тому виной? – вопрошала она молчком. – Может, это сами люди решительно и сразу захотели изменить мир, окрасив его на восходе века в цвет крови? Только зачем им это надо?

Однако нем был свидетель. Голоса его не слышал никто, разве что небеса... А небеса нынче люди слышать не желают, им вдруг стали интересны другие речи...

* * *

Феофан обошёл по кругу площадку сторожевой башни. Увидев едва заметный дымок в начале Московского тракта, долго рассматривал его в подзорную трубу, приговаривая:

– Кому это, интересно знать, пришло в голову топить летом печь? А, может, это и не печь вовсе? Всё равно непорядок, надо доложить.

Он отстучал «вызов» в переговорную трубу, дождался ответа, и во весь голос гаркнул в сияющий раструб:

– Первому посту. В конце Московского тракта, на краю Княжьего луга чёрный дым! Похоже, печь затопили, но надобно проверить! Больно уж дымит.

В трубе прозвучал отбой «принято». Часть ожила... В кирпичном теле депо два раза ударил тревожный колокол, послышался говор бойцов, ржание лошадей. Не прошло и пяти минут, как двуколка второго хода под Махой и Буяном нетерпеливым храпом и топотом копыт разорвала покой дремавшей улицы. Блеснули каски на передке красного экипажа. Под перезвон колокола ход резво устремился через Туляцкую, в сторону Большой Архангельской. Редкие прохожие останавливались. Бабы крестились, мужики, заложив за спину руки, с пониманием дела поднимали бороды. В такие минуты Феофан гордился своим занятием. Каждой мыслью, вздохом, движением он с величайшей радостью ощущал собственную причастность к этому серьёзнейшему делу.

Проводив взглядом экипаж, он несколько раз дохнул на глянec вестового колокола, заботливо протёр его краем рукава, полюбовался на собственное отражение в меди изогнутого зеркала, улыбнулся просто так. Получается, что сам себе... Ещё и ещё раз прикладывая к глазу трубу, он не переставая наблюдал за развитием событий на Московском тракте. Судя по всему, это всё-таки была растопленная печь. Дым со временем стал легче, начал рассеиваться, а вскорости исчез окончательно.

«Дай Бог бы все выезды были такие», – подумал он и перекрестился. Феофан любил верхний наряд. Отсюда, с высоты, всякий раз он с нетерпением и даже каким-то ожидаемым наслаждением наблюдал за тем, как просыпается город... Остывшие за ночь дома, улицы ждали первых лучей. Разбуженные вместе с петухами, протяжно скрипели петли глухих ворот, гремели, будто кашляли спросонок, засовы, клацали железом замки на дверях, распахнувшиеся ставни открывали свету стеклянные глаза окон. Каждый день, не повторившись и разу, являлся для него новым не только по времени, но и по сути.

Чуть позже к булочной на углу подъезжала телега с зелёной будкой «Хлебъ и бараньки». Через четверть часа народ принимался снова через перекрёсток. Хлопали двери хлебной лавки. Бабы, прислуга, служивый люд – все несли большие серые хлебы, белые булки, связки баранок. Люди эти по внешнему обличью давно уж были хорошо знакомы Феофану. Встречая иных в городе, он даже готов был с ними поздороваться. Только те, ничуть не подозревая о знакомстве, проходили мимо. От этого Феофан, испытывая некоторую неловкость, понимал, что повседневно, пусть и невольно, но подглядывает за людьми. На все укоры совести он уверенно отвечал: «Чего ты переживаешь, любезная... Делается то исключительно по долгу службы, а не из любопытства». Тем не менее, поравнявшись, пусть только глазами, он старался улыбнуться знакомым и поздороваться, про себя, разумеется.

По весне на смотровой площадке пахло талой водой с заливных лугов, горьковатым дурманом черёмухи, первыми грозами. Позже к ним примешивался сладковатый дым пароходов. С началом навигации жизнь напротив каланчи оживала.

У каждого времени года, даже части дня, есть свой запах, звук, свои незаметные мелочи. За то Феофан и любил Тобольск, воспринимая его как что-то одушевлённое и близкое. По ночам, оставаясь на верхней вахте один на один с городом, они беседовали. В эти минуты Феофан чувствовал, как сердце Тобольска живёт и бьётся здесь, рядом, в знакомых улицах, тихих двориках. Шумом ветра под крышами город отвечает ему... А Феофан приговаривал: «Живой он, конечно, живой. Видал, как дышит...».

После обеда город, а вместе с ним и горожане, сами не замечая того, погружались в послеобеденную дрему. Даже бессменный постовой в белом мундире на Плац-парадной – и тот куда-то исчезал. Однако стоило лишь робко обозначиться вечеру, как на Большую Благовещенскую выходил на променады народ... Дамы в длинных платьях, с гордо посаженными головками игриво смотрели на окружающий мир через бахрому зонтов, сетки вуали. Мужская половина, не уступая в дерзости, также щеголяла в приподнятом настроении. Трости, цилиндры, канотье, лёгкие дрожки, гулкий топот копыт по деревянным мостовым. Изредка проплывали богатые экипажи на резиновом ходу. Люд в них ехал степенный, грузный, сопровождаемый дамами с перьями на шляпах...

Феофан любил наблюдать за красивой городской жизнью, неспешным течением событий, дней. От того, что происходило внизу, веяло уверенностью, спокойствием. Он слышал негромкие голоса прохожих, вдыхал доносящиеся до него головокружительные ароматы одеколонов, духов... Порой ему казалось, что этот негромкий праздник никогда не покинет аллеи Александровского сада.

Пожелтевшее солнце спускалось в стрелку Иртыша и Тобола. Пристанские мужики, грузчики из пакгаузов, прочий незатейливый народ, минув каланчу, растекаясь от перекрёстка в разные стороны, растворялся в городских кварталах. Следом тянулись бурлаки. Этим точно не до прогулок... Желание их теперь одно – поскорее попасть в

«Отрясицу» или «Ведровый», чтобы в пьяном дурмане утопить надоевшее время. Каждый ушедший в небытие день прокладывал для каждого шаешника бессознательную в своём течении дорогу, которую с трудом можно было назвать жизнью. И безразлично, длинная эта дорога или короткая. Когда же закончатся отмянные денёчки, горевать никто не станет. Закопают собратья где-нибудь в песке, на берегу Иртыша или Тобола, скажут наёмщику «ушёл», да на другой день и забудут. Но чтобы помнить... Могил таких по берегам не счесть. Только есть в сию минуту несколько медяков на выпивку да солёный чебак с краюхой хлеба в кармане, и ладно. А после как выйдет...

Феофан снял картуз, вытер взмокший лоб и задумался...

«Как же всё-таки ладно случилось, что всему ихнему роду удалось обойти такие жизненные неудачи? Как-то сладилось всё у них. Это исключительно благодаря тятеньке и его стараниям». Стоит вот сейчас Феофан на каланче, прохлаждается, можно сказать, а жалованье идёт. А ведь могло быть иначе...

Он ещё долго и старательно подкручивал окуляр трубы, разглядывая небо, печные трубы, железо богатых домов, почерневшие тесовые крыши, редких прохожих. По тому, как люди ходят вдоль улицы, в каком направлении и во что одеты, можно было судить, какой сегодня день.

Каждый день непременно отличался от предыдущего разнообразием всевозможных событий. К вечеру этого, например, когда уже опустились сумерки, разномастный народ численностью до пяти человек гонялся вдоль Почтамтской за невесть откуда взявшимся поросёнком.

Поросёнок был небольшой, розовый, необычайно визгливый и удивительно шустрый. Он бежал вдоль улицы, бойко перепрыгивая канавы и лужи. Следом – толпа преследователей, которая, приближаясь к нему, то выстраивалась цепью, то начинала окружать по флангам. Поросёнок, поняв бесперспективность бегства, решил совершить манёвр. Сделав крутой

разворот, бойко подпрыгнул на месте, нырнул молчком под густые заросли акации и скрылся в Александровском саду. Преследователи, совершив похожий разворот, ломая на бегу колючий шиповник, кинулись за ним. Вскоре со стороны Александровского сада нервно заверещал полицейский свисток, раздались крики:

– Обходи его краём! Краём говорю, мать твою!..

– Тудыть его гони, тудыть!..

Возбуждённые крики долго метались среди темнеющих деревьев, пожелтевших дорожек. Наконец поросёнку удалось оторваться от преследователей, и он, совершив обманный манёвр, вернулся обратно, к краю дороги напротив каланчи. Высунув рыльце с розовым пятчком из кустов, беглец выждал некоторое время, после чего спокойно перебежал дорогу в сторону булочной. Он ушёл бы от погони, но, выскочив на середину улицы, совершил непростительную промашку, потому как привлёк внимание второй группы, которая выдвинулась на подмогу. Погоня началась заново. Поросёнка начали брать в тиски. Тогда, полагаясь лишь на собственные ноги, он через перекрёсток резво кинулся в сторону почтамта, а обе группы преследователей устремились за ним. Долго над округой разносился визг поросёнка, крики загонщиков... В конце концов всё стихло.

Феофан хмыкнул, разгладил бороду. Разглядывая отходящий ко сну город, громаду горы с точками неуверенных огней на Прямском взвозе, редкие тучки вдоль розовой полоски за Иртышом, он видел, как шаг за шагом в подгорную часть приходит ночь. На телеге, которую безучастно тащила пегая заспанная кобыла с широким крупом, проехал фонарщик. Он остановился на углу, приставил лесенку, долго гремел бадьёй, воронкой. Запахло керосином. Феофан любил, когда пахло керосином. Запах керосина – запах достатка... Вечер, в горнице светло, домашние ужинают, горит керосиновая лампа, пахнет варёным мясом, картошка дымится на столе, хозяин режет хлеб. Вдохнув полной грудью любимый запах, Феофан даже прищурился.

– Да... Когда керосином, это хорошо... Это значит, дом в порядке.

Фонарщик тем временем протёр тряпкой стёкла, зажёл горелку, после долго сидел без дела, похоже, дремал. Однако вскоре встрепенувшись, сложил лесенку, тронул вожжами толстую кобылу. Телега неспешно свернула на Туляцкую, к другому фонарю. Копыта мерно и однообразно, будто по большому барабану, били по деревянной мостовой. Через некоторое время зажётся фонарь на углу Туляцкой. После мерный стук вернулся обратно на Большую Благовещенскую. Удаляясь, он оставлял за собой дрожание точки жёлтых огней, мимо которых двигались едва заметные людские тени.

Вскоре опять послышался пронзительный поросячий визг. Это возвращались преследователи поросёнка. Самого беглеца впереди всех нёс растрёпанный мужичок небольшого роста. Он тщетно пытался зажать челюсти поросёнку, чтобы тот не визжал, только это у него не получалось, а поросёнок от этого визжал ещё сильнее. Следом за маленьким мужичком, широко шагая, шла высокая женщина с грубым голосом:

– Ты гляди, остолоп, не придуши его, а то он уже того, хрипеть начинает.

Другой голос поучал:

– Чтобы он не визжал и не хрипел, его надобно взять за задние ноги, головой вниз.

На что грубый женский отвечал:

– Как бы не так. Давай я тебя самого возьму за ноги головой вниз. Дубина, ему же кровь к головушке прильётся, возьмёт да и помрёт. Кого тогда откармливать будем? Тебя, безродного? Жрать-то ты горазд, только толку от этого никакого. Вона, рёбра одни.

– Андрюшку своего будешь откармливать, – не унимался советчик.

– Дак его тоже сколь ни корми, толку нету, – пробурчала баба.

Другой скрипучий мужской голос тихо хихикнул:

– Потому как что ни ест, ни пьёт, всё одно сила вся в другое место уходит.

На что баба, не задумываясь, пробасила:

– И соображение всё туда же...

Феофан вместе с ними развеселился и хотел уже чего-нибудь крикнуть сверху. Однако кричать с поста без всякой надобности запрещалось. Служба...

* * *

Много всего повидал бессловесный свидетель за то время, что простоял на Почтамтской. С начала весны и до жёлтых листьев мимо него нескончаемой вереницей ползли к причалам, неразборчиво гремя колёсами, телеги. Ватаги молчаливых бурлаков, подгоняемые парходными гудками с Иртыша, в поисках какой-нибудь работы, хоть на «груз», хоть на «бечевую» или какую иную, с угрюмыми лицами шаркали к причалам и пакгаузам.

Феофан служил в пожарном депо уже во втором поколении. Отец его Поликарп родом был из Тульской губернии. После того, как крепостным дали волю, не стал он искать счастья по барским дворам, а связал себе впрок две пары лаптей, взял хлеба, пилу, топор и отправился пешком до сибирской столицы – Тобольска. Дошёл... Прибился к шайке грузчиков на пристани, ломал спину день ото дня нескончаемыми мешками, ящиками, корзинами, спал где придётся. А тут случай...

Дело в том, что барин, у которого Поликарп состоял в крепостных, был одержим идеей обучить крестьян грамоте. Для этого даже школу построил и учителя содержал. Так что Поликарп чтению, письму и даже счёту был обучен с самого детства. Как-то попала ему в руки газета, где было написано «В службу огневого надзора требуется внимательный работник со знанием грамоты». Там его долго расспрашивали, вольную рассматривали, интересовались, не поменянный ли? Такое не редкость. Беглые каторжане, особенно Нерчинские, за вольные бумаги давали хорошие деньги или же крали их по пьяному делу. Приёмщиков на службу интересовало более всего то, где он грамоте и счёту обучился? В конце концов взяли – конюхом. После перевели в ездовые и даже спать разрешили при конюшне. А главное дело – жалованье положили. Поликарп, когда бывал в церкви по воскресениям и праздникам, всегда свечку «за здравие» барину ставил. Работал, старался, а денежку всё одну к одной складывал. Потом купил лес да и поставил себе пятистенку на Кузнецкой. Недолго времени прошло – женился. Больше всего был рад, что кузницу наладил. Отец его был кузнецом у помещика и Поликарпа делу своему обучал сызмальства.

Феофан родился уже в Тобольске. Лазил с мальчишками на Панин бугор, чтобы разглядеть край земли. Потом учился в мужской гимназии, где гулкие коридоры с овальными окнами в дверях для зрителей, а по углам, как напоминание, стояли вёдра с розгами, да и сами порядки были таковы, что розги те находили частое применение. Добрейшим человеком во всей гимназии был тот, для которого эта должность была совсем неподходящая – директор. Звали его Иван Павлович Менделеев. Феофан с детства любил бегать к отцу в огневой надзор, а когда пришло время, другого места не стал искать и с успехом поступил на службу. Для коротания времени пожарным вменялось в надлежащее исполнение изучение технических устройств для тушения пожаров и обучение духовой музыке. Вот и дудели они в огромные трубы, вдохновенно сотрясали воздух большими барабанами, радостным звоном меди. Феофан освоил игру на литаврах, и это ему весьма нравилось.

– Без литавр в оркестровой музыке радости нет, – считал он.

По праздникам, сияя касками, отправлялись они в Александровский сад, где, устроившись в раковине, допоздна играли вальсы, полонезы.

А как они начищали каски, до какого солнечного блеска, когда за три года до восхождения на престол Тобольск посетил цесаревич Николай! Встреча с народом происходила здесь, практически напротив пожарного депо, на Плац-парадной. Феофан видел с пожарной каланчи улицы подгорного Тобольска, запруженные нарядной людской массой всех сословий. Понят-

ное дело. Будущий царь всея Руси счёл необходимым посетить закаменную столицу Империи до восхождения на престол! Великая честь городу! Главному колоколу Софийского собора вторили все звонницы округи. На десятки вёрст летели их голоса, извещая...

– Радуйтесь, люди! Помазанник божий ступил на Тобольскую землю!

Народ ликовал, пребывая в этом радостном состоянии несколько дней кряду.

Наутро, после ночной вахты Феофан, находясь в прекрасном расположении духа, шагал домой. Впереди у него были свободные сутки. В кузни це его дожидался хороший заказ. Хороший – это значит трудный, а потому денежный. Для польского костёла, который возводился невдалеке, рядом с Никольским взвозом, шепелявый приказчик заказал ему четыре решётки на окна под острый свод, и чтобы в точности по эскизу. Кроме того, им с Матрёной удалось сдать внаём вторую половину дома. Жилец был непростой, шутка ль сказать артист, Аристархом величать. Платить обещал исправно, да ещё столоваться согласился. Оно и правильно... С тем, как готовит его Матрёна, не каждый барский стол сравнится. Деньги скоро понадобятся. Дети дом строить собираются. Вдоль улицы то здесь, то там стучали железом засовы, скрипели ворота, открывались лавки, заспанные собаки отработывали свою похлёбку. Начинался новый день...

Глава 2. Аристарх

К осени вода в Фонтанке налилась свинцом. Порой казалось, ей лень даже шевельнуться, чтобы до прихода зимы хотя бы ещё раз лизнуть серые камни гранита. Холодный ветер безжалостно срывал с деревьев последние листья, кружил их... Доживая и без того короткий век, они беспомощно липли к серой воде, напоминая миру о конечности всех случающихся событий.

Назойливый дождь с утра много раз начинался, после затихал, но к вечеру всё же властно залил всё вокруг. Он утопил в мелких каплях гранит берегов, коней на Аничковом мосту, раскрасил дома и небо в одинаковый серый цвет, загнал нарядный народ в яркие парадные к тёплым каминам, неспешным беседам в богатых салонах, ресторациях, кофейнях. Другие, кому судьба не благоволила такой милостью, искали себе место в серых норах питейных домов и злачных трактиров.

Дождь косыми струями сломал свет фонарей, рассыпал жёлтые дрожащие точки отражением поверху тёмной бездны меж каменных берегов. Разлинованные дождём окна погружались в темноту. Жизнь не уснула и не остановилась, её просто накрыло серое покрывало петербургских сумерек.

Аристарх вышел из тайной квартиры в Никольском переулке. Подняв воротник, он натянул кар туз до самых глаз, оглянулся на Морской собор и быстрым шагом направился вдоль Фонтанки. Согласно законам конспирации ему следовало как можно скорее покинуть место заседания тайного общества. Дождь как назло не унимался. Свернув к первой попавшейся парадной, Аристарх толкнул ручку. Та оказалась заперта. Лишь небольшой навес над входом сберегал кусок стены от дождя. Прижавшись спиной к чёрной решётке, Аристарх стряхнул капли со старенькой шинели, картуза, сунул озябшую руку под колючий отворот, нащупал книжечку Маркса. Тут же ощутив волнительное беспокойство, он вдруг понял собственную значимость в деле освобождения трудового народа от тирании. Именно так объяснял их высокое назначение Андрей Карлович на заседаниях тайного общества. Аристарх внимательно слушал пылкие выступления ораторов, незамедлительно и азартно вспыхивал. Ему нередко представлялось, как он впереди всех идёт по Невскому, ведёт за собой народ для заседания в Учредительном собрании. Жандармы трусливо бегут и прячутся. Обгоняя жандармов, на извозчиках и экипажах бегут фабриканты, купцы... И всё это оттого, что пришли они, освободители народа. Справа от него шагает Пётр Данилович, слева Андрей Карлович. Пётр Данилович служил в «Театральной школе разных специальностей», которую полгода назад окончил Аристарх. Андрей Карлович в свою очередь преподавал словесность в меньших классах благородного пансионата при Педагогическом институте.

Матушка Аристарха всегда была против его театральных увлечений. Она хотела, чтобы он окончил реальное училище, по окончании которого он должен был непременно служить на железной дороге, носить инженерную форму и ездить в экипаже. На худой конец мог стать хотя бы коллежским регистратором, но вот артистом.... Да, Аристархушка был далёк от паровозов и железной дороги. Ему по душе были «изячные» искусства, театры, диспуты, салоны. Человек он был беззлбный и воздушный от не покидающих его фантазий. В этот театральный сезон ему не удалось поступить на службу в какой-либо театр, поскольку после окончания Театральной школы он уехал в поместье в Псковской губернии, неподалёку от Опочки. Загоститься пришлось по причине спектакля, который они вознамерились поставить. Увлечение оказалось излишним. По приезду в Петербург он являлся для устройства на службу в различные театры, и во всех местах ему отвечали одно и то же: «поздно, репертуар составлен, роли распределены, да и рекомендации у вас отсутствуют. Так что увольте, сударь». Наконец ему предложили работу реквизитора. Аристарх, сочтя это за оскорбление, отказался. Как они могли... Он уже имел достаточный опыт участия во многих спектаклях ещё при обучении, к

тому же был неоднократно отмечен, как очень способный актёр. Особенно ему удалась роль Меркурия в «Зове богов». До истомы в душе ему было жаль оставаться не у театральных дел. Далеко не все были способны понять его утончённую душу, и он продолжал искать место.

Дождь прозрачными змейками стекал по колоннам. Тяжёлые капли, подхваченные ветром, рассыпаясь, падали на галоши. Аристарх слегка обсох и даже согрелся. Двое подвыпивших солдат в форме егерского полка брели, обнявшись, вдоль набережной. Часто останавливаясь, они хлопали один другого по намокшим спинам, клялись не бросать сотоварища в беде, после начинали петь «Ратным строем на врага...», сбиваясь, замолкали... Передохнув, неуёмная пара продолжала следовать дальше, держась один за другого. Для них не существовало прохожих, дождя, луж... Потом один из них, покачиваясь, стал во фрунт, а другой принялся парадным шагом ходить вперёд-назад.

Аристарху сегодня больше всего хотелось побыть одному. Он должен был разобраться и понять всё, что они обсуждали на заседании тайного общества. Ему пока было не вполне понятно, каким образом народ будет участвовать в управлении государством, если он в основной массе необразован и не умеет ни читать, ни писать? Кроме того, ещё и царя не будет... Говорят, что будет кто-то из новых, ну, к примеру, Андрей Карлович. Народ по причине того, что сам изберёт Андрея Карловича на должность царя, или как он там будет называться, будет его слушаться, а Андрей Карлович будет делить всё поровну и никого не забудет. Всё, очевидно, именно так и будет. По крайней мере, Аристарху очень этого хотелось.

Экипаж с поднятым верхом на резиновом ходу неслышно плыл вдоль набережной. Возничий неподвижно возвышался над передком нахохлившимся филином. Изредка он, не двигая плечами, поворачивал голову. Точно, филин...

Аристарх вдруг вспомнил экипажи из детства. Они запрягались цугом по пять-семь, а то и более лошадей. На передней торжественно восседал форейтор в мундире. Грохот по булыжной мостовой кованых колёс смешивался с перестуком копыт цуга, потому был слышен изда- лека. Все шептались:

«Царь едет, царь...». Мальчишки выбегали навстречу, ожидая неожиданной царской милости. Рано или поздно она должна была пролиться на них. Царя Аристарх видел один раз, зато совсем близко. Было это на пасху, возле Казанского собора. Он наивно полагал, что увидит какого-то необычного человека в диковинных одеждах, а это был совершенно обычный мужчина в военном мундире, с бородкой. Вокруг него суетилось великое множество людей. Все пытались находиться как можно ближе к царю и старались ему во всём показаться. Нет, царём быть хорошо... Тогда Аристарх очень хотел стать царём, пусть хотя бы на время.

Как же беззаботно и легко было тогда... Всё казалось красивым, правильным и на своих местах. Они с папенькой, маменькой, Соней гуляли в Адмиралтейском саду, лизали сладкие завитушки, играл камерный оркестр... После, на Невском сидели в кофейне у Абрикосова. Взрослые пили кофе, они с Соней – тёплый шоколад. Отец неожиданно умер, и вся эта сказка закончилась... Половина поместья возле Опочки, что принадлежала отцу, незаметно перешла в управление его брата, Павла Фомича, который, вступая во владение, обещал присылать денег, но после только больше жаловался, что дела идут неважно, а денег слал всё меньше и меньше. Скуп дядюшка оказался. Одно слово помещик и эксплуататор. С другой стороны, они с маменькой и Сонечкой тоже пользуются, пусть меньшей частью, но деньгами от эксплуатации трудового человека. Андрей Карлович говорил, что всё после революции станет общим. Может быть, после этого Павел Фомич начнёт делиться по-честному. Неожиданно Аристарх понял, что деньги и наследство его мало интересуют. С большим увлечением он задумался о более высоком – устройстве современного общества. Однако вскоре пришёл к неутешительному выводу: современный мир упрощается, становясь всё более примитивным. Всё это происходит по причине того, что простой люд необразован, не просвещён и ничуть не желает этим заниматься. Если бы все вокруг стали грамотными, культурными, перестали бы сморкаться на

виду, горланить в пьяном виде матерные частушки, а вместо этого стали бы ходить в театры, читать книги, интересоваться живописью, то непременно наступила бы эра всеобщего благоденствия.

Андрей Карлович неоднократно говорил на заседании тайного общества, что стоит только свергнуть царя, как освобождённый народ непременно захочет обучаться, и сразу за этим наступит эпоха гармонии и рассвета цивилизации.

Сегодня они обсуждали создание подпольной типографии, чтобы печатать просветительские манифесты для народа. Спрятать её от жандармов можно было где-нибудь в деревне. Ни за что не найдут. Это и стало бы первым шагом к просвещению народных масс. Только поговорили, поговорили, да на том и закончили, поскольку денег на типографию не было. Разве что детские копилки, в которые родители клали по пятаку к празднику. Нет, как видно, пятачками в глиняных поросятах и котиках народ из-под ига самодержавия высвободить не получится. Однако странно как-то получается. Для того, чтобы сделать освободительную революцию для народа, опять необходимы эти ненавистные деньги. Мир действительно несовершенен, надо его менять, но как?..

* * *

Дождь со временем улёгся. Аристарх нащупал в кармане последние медяки и, вздохнув, направился к полуподвальному входу под вывеской «Питейный и закусочный дом Родоканакки. Милости просим». Заведение ему было хорошо знакомо. Он и до этого заходил сюда, чтобы перекусить. Здесь всегда было шумно и не очень хорошо пахло, однако стоило всё дёшево. Когда он уже спускался по ступенькам, дверь неожиданно распахнулась. Широкоплечий распорядитель в косоворотке, с чёрными, прилизанными волосами, тащил за ворот пьяного, взлохмаченного мужичишку. Тот мычал, изворачивался, цеплялся за стену и, не переставая, норовил плюнуть в обидчика. Увидев Аристарха, распорядитель, прислонив мужичка к стене, освободил проход, приветливо улыбнулся и проговорил:

– Заходите, барин, заходите. Заведение у нас приличное, а кои не умеют вести себя подобающе, пушай погуляют на воле.

После этих слов он незаметно поддал неуёмному мужичонке кулаком под дых, отчего тот взъерепенился ещё больше. Аристарх отшатнулся и даже на мгновение замер. Вскоре всё успокоилось, и крепкая фигура в красной рубахе с трепыхающейся в руке жертвой скрылась за верхними ступенями.

Синий табачный дым лениво плавал струями в спёртом воздухе полуподвального помещения. Пахло табаком, вином, квашеной капустой... Аристарх не стал ждать полового, подошёл к стойке, спросил кусок хлеба, соли, вяленого снетка и кружку квасу. Довольный тем, что осталось ещё две копейки, он устроился за второй от входа стол и начал есть. Попробовал сначала снетка, потом круто посолил ломоть хлеба, жадно откусил и, неторопливо отпивая квас, стал пристально разглядывать народ. Народ ему, если откровенно, нравился не очень. Аристарх не любил, когда люди были не в себе от выпитого. Самая шумная компания сидела в углу напротив небольшого оконца под сводом. Пьяный матрос во главе стола время от времени выкрикивал тяжёлым басом.

– Это вам не Марсель с борделями и не Кейптаун с ихними чёрными мамами! Это Рассея! Здесь мне первая Манька милее и слаще всех ихних мадам.

Закончив кричать, он поднимал мутные глаза к своду потолка и бил здоровенным кулачком по столу... Трясся и подскакивал стол вместе с посудой. Событьишки, чтобы успокоить товарища, опять предлагали выпить. Одна и та же сцена повторялась раз за разом... Половой косился на буйного матроса, но молчал. Уж он-то знал... От таких всего можно ожидать. В заведении ещё не забыли случай, когда сменщик его, Трифон попросил одного такого

вести себя потише. А тот росту был под потолок, к тому же беспокойный какой-то. Осерчал он тогда не на шутку, схватил Тришку в охапку, вынес да и бросил в Фонтанку. Так что увольте, господа... А уж если чего, то вскорости должен зайти господин полицейский. Как полагается, получит свой рубль, и, если потребуется, мигом наведёт порядок. С револьвером не больно пошалишь.

Трое самых спокойных, даже незаметных, сидели в углу и, тихо переговариваясь, курили. На середине стола стоял глиняный кувшин, не понять, с чем, вином или квасом? Судя по всему, были они трезвые, только вид у них был какой-то уж больно каторжный. Излишне внимательные глаза шилом буравили каждого присутствующего из темноты полуопущенных глазниц. Сцепленные руки лежали неподвижно на столе. Говорили они мало и отрывисто.

«Это марвихеры (грабители по пьному делу), точно, – подумал Аристарх.

– Выскивают своего пьяного караса (жертва), чтобы обчистить кайстру (наличность), а там, может, и на соболя (часы-луковица) подфартит. Изя-блакатарь всё возьмёт»... Изя был скупщик краденого. Жил он у них на улице, в полуподвале соседнего дома. Был он бедный или богатый, про то никто толком ничего не знал, но всевозможные небеспочвенные легенды роем кружились вокруг него. Он никого не трогал, мало с кем из соседей разговаривал и вообще был весьма приветливый человек. Он просто тихо делал своё привычное дело – скупал сомнительный товар по дешёвке. Воровской мир, что окружал его, относился к нему с определённым почтением. Обо всех его тёмных делишках было известно всем, кроме околоточного. Изю он будто не замечал. От столь тесного соседства с воровским миром, а также незначительных поручений, за выполнение которых лихие люди давали мальчишкам, не скупясь, медяки, Аристарх и все его приятели, знали не только лексикон и воровские привычки, но и всех серьёзных воров в округе.

Очень скоро присутствующие Аристарху прилично надоели, он отвернулся и, хрустя сметком, стал смотреть в другую сторону залы. И в другой стороне народ ему тоже не нравился... Там, в закутке напротив входа, сидела компания, которую, похоже, за копейку пустили погреться. Они расположились вокруг голого стола, верхней одежды на них не было, хотя на дворе всё уже дышало глубокой осенью. В какой-то момент вошёл человек, похожий на них, такой же ободранный и страшный. Молча сел. Все затихли и уставились на него, не дыша. А он вдруг как гаркнет:

– Половой!

В один момент подскочил юркий половой с полотенцем через руку, послушно склонил голову. Мужичок бросил на стол крупную ассигнацию, пришлёпнул сверху заскорузлой ладонью и крикнул во весь голос.

– Гуляем! На все!

Одобрительный гул, похожий на гуденье улья, разнёсся над пустым столом.

– Молодец, Червонный! Вот ведь фартовый чертяка, поискать таких!

– Давай, наливай до краёв, не жмись!..

Аристарх ссыпал в ладонь крошки с блюда, кинул в рот и вышел. Он на мгновение остановился под вывеской, натянул картуз и задумался...

«Надо бы спросить Петра Даниловича. Тот ли это народ, который ждёт освобождения и просвещения? Не заблуждаемся ль мы случаем в наших обсуждениях на заседаниях тайного общества? Вот решим всё, как следует сделать, а народу будет не до того. Революция случится, а он возьмёт да запьёт. Тогда для кого всё это затевается? Да и нужна ли этим людям революция и освобождение? Они и без того свободны».

Денег на извозчика не было, а если б даже и были, Аристарх всё равно пошёл бы пешком, поскольку давно привык экономить. Когда-то они жили в хорошей квартире, на Большой Морской. Отец служил в военном ведомстве, ходил в форме. Маменька этим очень гордилась. Теперь они живут втроём, в квартирке на 17-й линии Васильевского острова. Хорошо хоть

Сонечка скоро выйдет замуж. Жених у неё хороший, кроме того, ещё из богатой семьи. Служит поручиком в Семёновском полку. Маменька нынче вся пребывает в добрых надеждах и ожидании...

На Дворцовом мосту ветер с залива безжалостно, будто иглами, пронизал старенькую шинель, несколько раз попытался сорвать картуз с головы. Стараясь согреться, Аристарх то прикрывал ладонью левую щеку, то прятал озябшие пальцы в рукава. Невольно бросив взгляд на чернь Невы, он попытался разглядеть хоть что-нибудь в непроглядной и вязкой, будто смоль, ночи. От ощущения близости воды ему стало не по себе. Он физически чувствовал, как у него под ногами властвует тьма и беснуется в пролётах ветер, как фонари испуганными светлячками дрожат на ветру...

Маменьки дома не было. Должно быть, задержалась на уроках. Днём она преподавала музыку в гимназии, а по вечерам давала частные уроки. Софья, по всей вероятности, отправилась куда-нибудь с женихом. Аристарх нетерпеливо приложил руки к тёплой поверхности голландской печи, приник к ней грудью, замёрзшей щекой. Постояв, он перевернулся спиной к теплу, откинул назад руки, прижался затылком, закрыл глаза и затих. Сра зу стало тепло и тихо... Мягкая нега осторожно проникала внутрь. Вот уже разогрелись мелкими иголками кончики пальцев, запыхали щёки... Дрова каждое утро приносил Герасим. Аристарх, как единственный в доме мужчина, укладывал их в печь, обдирал бересту или колот лучину. После разжигал огонь. Когда пламя разгоралось, он мог подолгу смотреть на его пляшущие языки, перебирать в голове случайные мысли, вспоминая о том, что, казалось, давно уже позабыто.

Он прибавил свету в лампе, пододвинул стул ближе к печи, достал книжечку Маркса и начал читать. Очень скоро от нетерпения он заёрзал, перечитывая одно и то же место, поскольку не понимал: чего хочет этот бюргер, разговаривая таким мудрёным языком? Почему Андрей Карлович убеждал их, что это и есть руководство к действию? Чем тут руководствоваться, непонятно? К тому же, как простому народу это понять? И надо ль ему всё это? Не поймёт, – решил наконец Аристарх. Просвещение, вот что ему надобно в нынешний момент. Просвещение...

Щёлкнул замок входной двери. Пришла матушка. Согласно инструкции Аристарх спрятал тайную книжицу под матрац, а на стол положил пьесу и уселся обратно так, будто ничего и не было. За ужином ему было совестно оттого, что приходится обманывать маменьку. «Надо бы поскорее закончить чтение. Утром зайдёт Савва и пусть заберёт эту книжицу».

Савва был из купцов. Его по этой причине не хотели принимать в тайное общество, но он настоял. После этого нередко он приносил немалые денежные пожертвования. Бывало и по сто рублей.

Аристарх не раз пытался понять: зачем это надо Савве? Батюшка у него прекрасный человек. Весёлый и не жадный, который всегда баловал гимназистов деньгами, устраивал для них праздники. А Савве пообещал привезти из Лондона велосипед на резиновом ходу. Мода, наверное, виновата. Теперь ведь как... Не состоять в марксистском кружке или обществе стало совершенно не модно. Лучше всего, если общество было бы тайное. «Дурак ты, Савва, – размышлял Аристарх. – Привезут тебе велосипед на резиновом ходу, со звоном. А после наступит экспроприация, отнимут у тебя резиновый ход и отдадут какому-нибудь голодранцу. Эх, Савва, Савва...»

Аристарх зажёл маленькую керосиновую лампу у себя в комнате и просидел над томиком Маркса, ничего не поняв, до полуночи. Так подолгу случалось и раньше, когда он засиживался, разучивая пьесы для постановки. Поэтому маменька ничуть не обеспокоилась. Однако некоторое разочарование постигло самого Аристарха. Потому как большей нудятины читать ему не приходилось. «Значит, сам ещё не созрел» – решил он.

Попутру с видом заговорщика пришёл Савва.

– Ну как, прочёл?

Аристарх мотнул головой, потёр красные глаза.

– Конечно, прочёл.

– Ну и как? Программа действий? Как говорил Андрей Карлович?

– Почитай, узнаешь.

Савва не стал засиживаться и вскоре с видом заговорщика прикрыл осторожно дверь.

Самое неприятное случилось под вечер. Аристарх с маменькой были дома и после ужина музицировали на рояле. В дверь раздался грубый стук. Аристарх открыл... Молчком, подтачивая один другого, в прихожую ввалились человек пять жандармов и один тип в гражданском костюме. Аристарх надолго запомнил его водянистые глаза, шляпу с круглым верхом и пенсне.

Усатый жандарм тут же объявил:

– Обыск. Всем сидеть в прихожей и не ходить по квартире.

Маменька попыталась что-то возразить, но усатый беспардонно рявкнул:

– Молчать, если не угодно в карету с решётками, да в участок.

Вакханалия продолжалась весь вечер. Были перерыты все личные, даже интимные вещи, библиотека кучей валялась на полу. По недовольным лицам полицейских можно было понять – им ничего не удалось найти. Да и не могло такого случиться. Какой молодец Савва, что забрал книгу утром.

Аристарх с маменькой, возбуждённо переговариваясь, раскладывали всё на свои места. Позже пришла Сонечка с женихом. Жених побелел от гнева. Он неоднократно хватался за то место на поясе, где, как видимо, во время службы висит кобура. Даже хорошо, что они с Соней пришли позже, иначе быть беде. Больно уж горяч оказался молодой офицер. Они кое-как навели относительный порядок, уже посреди ночи пили чай и гадали: что же это могло быть? Аристарх молчал, и оттого ему было тяжелее всех. Ложь для него была самым гнусным пороком.

Тайное стало явным не позднее вечера следующего дня. За маменькой прибыл экипаж, и она отправилась для занятий музыкой с детьми шефа жандармерии Урясова. Аристарх, никуда не выходя, ждал возвращения маменьки. Как только она переступила порог, он понял: ей всё известно...

– Рассказывай всё по порядку.

Выслушав, она тихо, будто их могут услышать, проговорила:

– Туда больше не ходи. Оба ваших зачинщика арестованы. Тебе рекомендовано, не дожидаясь неприятностей, уехать куда-нибудь, желательно как можно дальше. Слава богу, есть на земле добрые люди.

– Так куда поехать? К дядюшке в поместье, в Опочку?

– Не годится, это близко.

– Для Пушкина не было близко, – возразил было Аристарх (Михайловское располагалось в десяти верстах от их поместья).

Матушка грустно улыбнулась.

– Эко ты куда хватил.

– Тогда куда же?

– В Тобольск...

– Тобольск? Это же на краю света!

– Вот это и будет то, что требуется. В Тобольске в предстоящий сезон открывается театр. Я слышала, что папенькин гимназический приятель Дмитрий Павлович собирает труппу для театра. Он бывал у нас в доме, даже держал тебя маленького на руках. Ты ещё тогда обмочил ему брюки. Такой конфуз получился. Однако он был весел, смеялся и говорил, что обязательно, согласно примете, должен стать сватом на твоей свадьбе. Надобно отписать ему письмо. Хотя нет, не надо письма, пусть всё будет в тайне. – Маменька взмахивала руками, куталась в шаль, нервно ходила по комнате. Она была похожа на большую птицу, которая взволнованно машет

крылами, чувствуя надвигающуюся опасность над её желторотым птенцом. – Я напишу прошение Дмитрию Павловичу. Это благороднейший человек, я уверена, он не откажет.

Аристарху перешли папенькину енотовую шубу и меховую шапку. Он с удовлетворением рассматривал себя в зеркале, находя, что стал похож на молодого барина или даже статского советника. Правда, юн несколько, но солиден. Вечером пришёл Савва, принёс двести рублей. Они обнялись.

Савва как-то грустно посмотрел на него и тихо, повзрослому сказал:

– Дай Бог, Аристарх, нам с тобой хоть когда-нибудь ещё свидеться.

Глава 3. Дорога в Сибирь.

Николаевский вокзал остыл настолько, что, казалось, в природе не найдётся такого тепла, которое смогло бы его отогреть. Паровоз шипел, нетерпеливо выпуская пар. Ветер носил сладковатый дым над вагонами, взволнованными провожающими, тюками, чемоданами, саквояжами. Дали первый колокол, людская масса всколыхнулась. В вагоне было прохладно, но вполне терпимо. Железная печка дышала натопленным теплом. Рядом лежали короткие дрова, корзина с углём. Так просто, будто дома.

Худой, с длинным носом служащий в форме железнодорожника, помогая пассажирам расставить багаж в проходах, под лавками, приговаривал:

– Господа, внимательнее смотрите, чтобы согласно купленных билетов, согласно билетов...

Полицейский с пристёгнутым башлыком и свистком на груди, заложив руки за спину, хозяином шагал вдоль перрона. Аристарх не стал испытывать судьбу и отвернулся.

Дали третий колокол, паровоз пронзительно свистнул, пар вырвался на волю, зашипел, вагоны ударились железом раз, другой... Что-то пронзительно заскрежетало, кровь подступила к горлу. Маменька стояла напротив окна бледная, крестом сложив на груди руки. Сонечка, уткнувшись ей в плечо, плакала. Вагон неслышно качнулся, сдвинулся с места. Маменька с Соней какое-то время шли следом, махали платочками, вытирали слёзы, потом стали всё больше и больше удаляться. Вскоре, смешавшись со всеми, они потерялись из виду.

Аристарх долго смотрел на удаляющиеся фигуры людей без надежды увидеть своих. Просто ещё мгновение назад в этом самом окне он видел тех, ближе кого нет у него на всём белом свете. Ему казалось, что подёрнутое тонкой сеткой мороза стекло, будто фотографическая пластинка, сохранило на себе их образ и дыхание. Он приложил к холодному стеклу ладонь и закрыл глаза...

«Зачем мне всё это? Может, надо было остаться в Петербурге, перестать посещать тайное общество, и всё бы улеглось постепенно? Всё одно Андрея Карловича и Петра Даниловича арестовали. Тогда как же освобождение и просвещение народа? Правильно ли будет так легко отказаться от великой идеи? Правильно или нет, пока неизвестно, потому как в Тобольск при плохом стечении обстоятельств можно ехать не в тёплом вагоне второго класса, а в арестантском... Надо всё-таки выбирать».

Какой он, Тобольск? Как встретит его? Все, кому довелось бывать там, в своих впечатлениях делились ровно пополам. Одних восхищала необычность и красота сибирской столицы, другие, напротив, представляли его огромной тюрьмой с жестокими порядками.

Едва уловимый сладковатый запах паровозного дыма постепенно заполнял пространство. Вагон незаметно, даже робко начав движение, вскоре разбежался. Тени заметно быстрее стали пробегать от окна к окну, скользя по рядам с пассажирами. Аристарх прошёл вдоль прохода, устало опустил на место и стал безразлично смотреть в окно. Огромное количество новых, непривычных звуков и запахов вдруг окружили его со всех сторон. Чувствовалась близость

паровоза. Хорошо было слышно, как бьётся его железное сердце, как он временами усердно пыхтит на подъёмах, как после легко бежит, весело посвистывая.

Колпино осталось позади вместе со шпилем вокзала и парой водокачек, слева и справа от основного хода, предназначенных для заправки паровозов водой. В народе эту пару водокачек называли «заячьи зубы». Вскоре белые поля сменились берёзовым лесом, позолоченным неярким солнцем.

Милое русскому человеку тихое однообразие. Аристарху особенно нравились мгновения, когда поезд по насыпи влетал на открытый мост... В эти минуты ему казалось, что подобно птице он взлетает над землёй. Сердце начинало учащённо и радостно биться. Барышня, что сидела через проход, ойкала и демонстративно прикрывала ладонями глаза.

Публика в вагоне постепенно освоилась, начала знакомиться, делиться впечатлениями. Напротив Аристарха сидел господин в инженерной железнодорожной форме, с седеющими висками и строгим выражением лица. Как только Аристарх отвлёкся от окна, их взгляды встретились.

– Аристарх, – представился он, – драматический актёр.

– Павел Петрович Алымов, инженер-путеец, – ответил мужчина.

Через проход от них сидела солидная разговорчивая дама с той самой пугливой дочкой, которую, похоже, звали Лизонька. Лиза была похожа на институтку. Она прятала руки в муфту, смотрела поверх голов и демонстративно не желала замечать Аристарха.

В следующем ряду сидел купец непонятно какой гильдии, но, по рассказам, непременно первой. Потому как разбирался он во всех видах торговли и ведения дел. Знакомо ему было всё: как правильно вязать пеньку, в какую пору снимать щетину, какие вина и коньяки самые лучшие, и в какое время их следует подавать к столу. По рассказам, его торговые ряды располагались во всех крупных городах от Астрахани до Петербурга и Москвы. Аристарх по этому поводу задумался только об одном: отчего же господин едет тогда в вагоне второго класса? Должен быть непременно первый, и поезд соответственно курьерский, а не пассажирский. Большинство людей устроены именно таким образом. Всем хочется казаться на класс выше, чем на самом деле. Те, у кого это не получается, как минимум выглядят смешно.

Солнце, перейдя в соседнее окно, стало метаться неуёмными бликами внутри вагона. Павел Петрович, слегка наклонившись, произнёс:

– Скоро станция Любань. Если желаете, можем прогуляться. Заодно здесь недурно можно отобедать в буфете. Поезд стоит долго. Паровоз будет заправляться и обслуживаться в депо.

Ход стал заметно снижаться, паровоз неистово свистел. Показались первые деревянные домики, островерхая церковь с золочёным куполом. Постукивали железом буфера, опять что-то протяжно скрипело.

На перегонном, отгороженный от поезда полосатым шлагбаумом, стоял деревенский люд. Мужики в затёртых армяках, тулупах и одинаковых треухах из бараньих шкур мехом кверху. Неуёмная детвора из любопытства постоянно норовила подлезть под шлагбаум. Сдерживал их суровый на вид дежурный по перегону в форменной шинели. Позади мужиков стояла мохноногая лошадёнка, запряжённая в розвальни, застланные сеном. От её кудлатой спины валил пар. В углу розвальней боком к поезду сидела баба. Обеими руками она прижимала к груди свёрток в цветастом одеяле, прикрытый сверху тулупом. Явно это был ребёнок. Её огромные голубые глаза светились от любопытства и восторга ярче цветастых лоскутков на одеяле, а в удивлённых глазах метался вопрос: «Кто они, эти господа, если могут так запросто ехать в тёплом вагоне со стёклами из Петербурга в Москву? Доведётся ль ей когда-нибудь, хоть один разок так вот посмотреть на мир из окна поезда?»

Аристарх внимательно смотрел на них и размышлял: «Вот бы спросить: о чём думают в этот момент женщины, ребяташки, мужики? Что они понимают в происходящих событиях, вещах?»

Любань... За окнами вагона плавно проплыл двухэтажный, вытянувшийся вдоль железной дороги вокзал, застывшие от любопытства фигуры и лица людей. Железнодорожник в станционной форме, похоже, замер возле блестящего колокола, на середине платформы.

Стало тихо... Не стучало железо, не раскачивался вагон, затих перестук колёс. Аристарх с Павлом Петровичем, покинув вагон, несколько раз прошлись вдоль поезда, после остановились на краю платформы. Аристарх от нечего делать считал широкими шагами длину платформы.

– Сто шагов? – спросил Павел Петрович.

– Да, действительно, сто. Откуда вам это известно?

– Любань, станция второго класса.

– Какие тогда первого?

– Петербург, Москва, Бологое, Малая Вишера, Тверь.

– А те, что с «заячьими зубами»-водокачками?

– Эти третьего или даже четвёртого. Кстати, знаете, какой конфуз приключился при строительстве?

– Возможно, где-нибудь забыли построить станцию?

– Нет, как раз наоборот. В Клину по ошибке был построен вокзал, соответствующий первому классу, хотя положен был второй. Обнаружили поздно, но решили уже не перестраивать.

Паровоз отцепился и уехал в депо. Состав словно обезглавили. От этого он стал выглядеть какимто безжизненным. Из-за отсутствия паровоза даже суета перед вагонами стала неуместной. Павел Петрович негромко, будто для себя, проговорил:

– Всё, что ни есть без головы, выглядит против естественного состояния вещей. А хуже того, когда голова вроде бы на месте, а на самом деле отсутствует, поскольку делается всё так, будто её и нет вовсе.

Навстречу им по платформе шёл мальчонка в подпоясанном кушаком овчинном полушубке. Шапка была ему велика, оттого постоянно сползала на глаза. Он не переставая поправлял её. Аристарху вдруг нестерпимо захотелось получить ответ на вопрос, который у него возник на переезде: что же по поводу происходящего думает самый обыкновенный деревенский мальчишка?

– Павел Петрович, давайте спросим мальчонку, что он думает по поводу паровоза, к примеру. Наверное, скажет, что внутри сидит змей-горыныч, который крутит колёса или, к примеру, нечистая сила, которую насильно посадили в трубу, отчего она неистово пытается вырваться наружу.

– А что? Весьма интересно знать, – согласился Павел Петрович.

Поздоровались... Мальчик остановился напротив, шмыгнув носом, снял рукавичку, приподнял шапку на лоб.

– Здравствуйте, барин. Чего изволите?

– Как тебя зовут?

– Ванюшка Колоденный.

– Вот скажи, Ванюшка. Как ты думаешь... Почему паровоз едет? Может, вагоны и без него смогут двигаться?

Ванюшка в очередной раз шмыгнул носом.

– Отчего же вагоны, барин, будут двигаться, если у них нет паровой машины?

Аристарх с Павлом Петровичем переглянулись.

– А паровоз?

– Паровоз – это совсем другое дело. Там паровая машина, которой для работы требуется пар. Пар получается в котле с водой, который топят дровами. Но только теперь уже есть паровозы, которые топят углём. От угля жару больше, оттого такой паровоз сильнее. Ещё всё

зависит, сколько цилиндров. Вот на старых паровозах, к примеру, цилиндр был только один, а нынче уже полно паровозов с двумя цилиндрами, внутри которых двигаются поршни.

Было заметно, как у Павла Петровича с каждым произнесённым мальчонкой словом вытягивалось лицо...

– И что дальше?

– А вы что, про это ничего не слышали? – удивлённо спросил Ванюшка.

– Разумеется, нет. Кто же нам расскажет, – вставил Аристарх.

– Понятно. Только барин-то вот в форме железнодорожника.

– Нет, нет, я конторский и в этом ничего не понимаю, – замахал руками Павел Петрович.

– Так вот, – продолжил Ванюшка. – Пар от котла по паропроводам подводится к обеим сторонам цилиндра, и от распределителя через золотники подаётся то в одну сторону, то в другую сторону цилиндра. Оттого поршень и ходит туда-сюда.

– Скажи на милость, а отчего тогда колёса крутятся? – не унимался Павел Петрович.

– Да это совсем просто. К поршню подвижным образом прикрепляется шатун, который упирается в кривошип, связанный с колёсами.

Повисла тишина...

– Барин, я что-то неясно рассказал? – наморщил нос Ванюшка.

– Нет, всё, напротив, очень даже понятно, – как-то слишком задумчиво произнёс Павел Петрович. – Как вам кажется, Аристарх?

– Ясно, весьма ясно.

– Только ответь мне на один вопрос, – не унимался Павел Петрович. – Откуда ты, Ванюшка, всё это знаешь?

– Батяка рассказывал. Он в депо работает.

– Кем?

– Заклёпщиком.

– А кто машине обучал?

– Батяка и дядя Семён. Я, когда вырасту, машинистом буду, у меня даже вот что есть.

Он недолго рылся в кармане и вскоре протянул им зажатый кулачок. Когда он разжал его, на тёплой детской ладошке они увидели форменную пуговицу от железнодорожного мундира.

– Мне её машинист Василий Аполлинарьевич подарил на день рождения. Они вместе с тятьей в депо служат.

Павел Петрович подался слегка вперёд...

– Ты подожди, Ванюшка, не уходи, я сейчас, скоро.

Он прошёл в вагон и вскоре вернулся.

– Держи.

Он так же, как Ванюшка, протянул закрытую ладонь, а когда её раскрыл, все увидели форменную железнодорожную кокарду с гербом. Ванюшка даже отшатнулся.

– Что вы, барин, что вы... За что?

– За правильное знание устройства паровоза. Машинистом, я думаю, ты непременно станешь. Тебе сколько лет?

– Десять.

Павел Петрович вложил ему в руку кокарду, закрыл её и сказал:

– Ты уж, братец, постарайся, может статься, в одном ведомстве служить когда-нибудь доведётся. Да, вот что. Передай поклон отцу.

– От кого?

– Скажи, от Павла Петровича из Петербурга. Ванюшка медленно удалялся вдоль платформы.

Он много раз останавливался, смотрел в ладонь, оборачивался, потом опять осторожно шагал, прижимая сжатый кулачок к груди. В какой-то момент он сдёрнул шапку, подкинул

её вверх, поймал и побежал вприпрыжку вдоль станционной платформы, пока не скрылся за углом.

Долго шли молча...

– Ну, и как вы, Аристарх, оцените урок, который нам преподавал десятилетний мальчик?

– Пока что, Павел Петрович, никак не найду подходящих слов, поскольку я и малейшего представления не имею даже о части тех знаний, коими обладает этот юнец.

– Согласен. Только главный урок, который нам следует вынести из всего: приглашая кого-либо к дискуссии, следует весьма уважительно относиться к собеседнику. Вы представляете, каких потрясающих результатов может добиться этот мальчик, если ему дать возможность учиться! Вот бы такого в Ясную поляну к Толстому. Кстати вы читали, Аристарх, какую школу открыл там Лев Николаевич? Бесплатное обучение, произвольное посещение предметов по выбору, согласно способностям ребёнка. Произвольная рассадка в классе, возможность перемещаться во время занятия, допускается даже при необходимости подходить к учителю. Полное отсутствие авторитаризма. Дети там в умственном исчислении математических расчётов превосходят любого взрослого. В литературе ранних классов они изучают шестистопный гекзаметр, который использовался в античной поэзии. А живопись! Художники с мировыми именами приезжают. Сам Илья Ефимович недавно посещал школу и давал уроки. Просвещение, Аристарх, только просвещение спасёт Россию.

На заиндевевшей каменной платформе они весьма скоро озябли и потому прошли в зал для ожидания, затем в буфет. Посреди буфетного зала в окружении слушателей за столом, с недопитой бутылкой белого вина восседал знакомый им купец, который громко рассуждал о своей деятельности негодичника в Париже. Они переглянулись, незаметно улыбнулись и направились к стойке.

– Любезный... – негромко позвал Павел Петрович.

Любезный моментально принёс им суп с куриными потрошками, расстегаи и чай.

За окном на платформе засопел паровоз, да ли первый колокол. Под руки повели пьяненького купчика. Путешествие продолжалось... На запотевшем окне Аристарх кончиком пальца нарисовал шпиль Адмиралтейства, Исаакиевский собор, фонарь и зачем-то извозчика. Ему опять вспомнились: Соня, маменька, Васильевский остров, тёмная Нева с золотой иглой в низком небе.

Деревянная скамейка нетерпеливо толкнула в спину. Поезд тронулся. За окном проплыла ставшая знакомой Любань. От стараний проводящего, который не переставая топил печурку, на окнах стали собираться едва заметные капельки. Первым заплакал шпиль Адмиралтейства, за ним извозчик... Дольше всех держался Исаакий, только и он со временем не устоял от соблазна пустить слезу.

Павел Петрович, устроившись поудобнее, поднял воротник.

– С вашего позволения, попытаюсь вздремнуть.

– Извольте, Павел Петрович, извольте.

Аристарх повернулся к заплаканному окну, вытер насухо угол стекла и стал рассматривать однообразную белую картину, которую время от времени разрывали решётки мостовых пролётов над замёрзшими реками. Казавшиеся безлюдными деревни были завалены снегом. Лишь кое-где поднимался дымок, да одиноко ползущая по нитке дороги лошадка, запряжённая в сани, напоминала о том, что здесь живут люди.

Высокие сосны неожиданно подступили к дороге, замелькали за окном нескончаемым жёлтым частоколом. Порой казалось, что этот нелюдимый край не кончится никогда. Оттого станция Чудово с зубцами дворцовых фронтонов и арочными окнами показалась Аристарху похожей на сказку.

Ближе к вечеру прибыли в Малую Вишеру. Станция своей округлой формой напоминала праздничную карусель. На платформе шла бойкая торговля. Продавцы в белых перед-

никах наперебой предлагали горячие пирожки со всем, что можно было только придумать, а ещё калачи, баранки. Розовощёкая баба, держа перед собой берестяной поднос с горячими ватрушки с творогом, которые словно маленькие солнышки выглядывали из-под расшитого полотенца, задорно подзывала:

– Горячие ватрушки, горячие пирожки, начинка – творог да капуста. В животе не пусто, и съедят не жалко.

Ей вторила розовощёкая толстушка с добрым лицом.

– Калачи, калачи, прямо только из печи. Внутри мак, да и отдам за так...

Они с наслаждением наблюдали какое-то время за праздником, случившимся в совершенно обычном месте – на станции Чудово. Отойдя на край платформы, оба вдыхали морозный воздух, ели пирожки и молча смотрели вокруг. Молчание нарушил Павел Петрович.

– Видите, Аристарх, в отдалении круглое здание?

– Это то, что напоминает большую чернильницу? Конечно, вижу.

– Это и есть моя работа.

– Вы строите эти, с позволения сказать, чернильницы?

– Нет, это паровозное депо. Они все уже давно построены. Сейчас мы их перестраиваем.

Всё просто. Паровозы стали мощнее, Ванюшка прав, сейчас они тянут уже по пятнадцать вагонов и более, а начиналось всё с пяти. Выросли наши паровозы, длиннее стали и перестали помещаться на поворотный круг.

– Вы уж их перестройте так, Павел Петрович, чтобы не переделывать. А то не прошло и пятьдесят лет, а уж всё перестраивать надобно.

Павел Петрович улыбнулся уголками губ.

– Непременно учтём, не извольте беспокоиться за будущее. Хотя это и есть непростой путь человечества, который называется прогресс.

Тени, будто устремляясь за временем, становились длиннее, солнце устало садилось за полоску леса у горизонта. После Бурги в хвост поезда уткнулся второй паровоз.

– Подъём начинается, – кутаясь, проговорил Павел Петрович. – Веребьинский обход. Про это место все рассказывают байку, будто, когда царь проводил линию на карте, именно на этом месте царский палец выступил за линейку, вследствие чего получился досадный изгиб линии. Перечить, мол, не стали, так и построили. Выдумка это. Просто здесь очень крутой подъём, потому и пришлось обходить гору. А когда поезда идут из Москвы, другая проблема – под уклон состав трудно остановить. Бывало, и станцию проскакивали.

Железнодорожник, извиняясь за неудобства, толкался в проходе, зажигая свечи в фонарях.

– Извините за неудобства, зато светло будет. Светло будет. Извините...

От света фонарей ночь за окнами стала ещё чернее. Лишь изредка проползали светляки станционных фонарей. Аристарх плотнее застегнулся, засунул руки под шубу, закрыл глаза и стал засыпать. Ближе к утру, уже сквозь сон, до его слуха несколько раз доносилось: «Бологое. Скоро Бологое...». После наступила тишина, в которой жить остался только звук поезда. Аристарху не снилось снов. Он лишь ощущал, как одинок в темноте, которая, закутав всё непроницаемым одеялом, спрятала от него все прочие звуки вокруг... Сохранившиеся обрывки из прошлой жизни плыли один за другим. Он видел, как говорит маменька, но не слышал её голоса. Беззвучной птахой щебетала рядом Соня... А это что за звон? Это Савва у парадной поджидает его на велосипеде.

В Твери встретили начало нового дня. Снова гуляли по платформе, в буфете ели горячие оладьи со сметаной, пили крепкий чай. Сидя в вагоне, вынуждены были слушать пьяный бред опохмелившегося в Твери купчика. Все ждали появления Москвы.

С Лизонькой приключился лёгкий обморок, причиной которого, как выяснилось позже, было ожидание ребёночка. Вследствие излишней болтливости её маменьки вскоре всем стало

известно, что они из обедневших дворян. Есть у них имение на изгибе речушки, рядом с деревней, которая когда-то принадлежала их барскому роду.

Нераспроданные земли ещё остались, хотя имение пришло в полнейшую негодность по причине негодяя управляющего. Сами они в деревню ехать не хотят, поскольку Лизоньке надо непременно устроить семейную жизнь в городе. По приезду мамочка обязательно начнёт продавать имение и оставшиеся земли. В Москву же они с Лизонькой едут к её мужу, где тот находится по служебной необходимости. По странным причинам он перестал отвечать на письма, отчего у маменьки было недоброе предчувствие, а у Лизоньки обмороки.

При выходе на очередной станции Аристарха окликнул незнакомый студент в очках:

- Доброго здоровья, Аристарх!
- Доброго здоровья, с кем имею честь?..
- Игнат Скоробогатов.

Аристарх сразу вспомнил этого студента. Он тоже не менее года посещал заседание тайного общества в Никольском переулке. Много раз им приходилось спорить. Игнат был слишком категоричен в своих рассуждениях и не воспринимал никаких иных методов борьбы, кроме вооружённой. Был он чаще всего резок и несдержан. При этом весь его внешний вид, с сухой, чуть сгорбленной фигурой, длинными волосами и странными жёлтыми, казалось бы, подслеповатыми глазами, говорил как раз об обратном. Походил он больше всего на зачитавшегося студента. По убеждениям он был скорее анархист, чем марксист.

– Игнат, действительно вы. Только я не признал вас без длинных волос. Куда же вы держите путь?

- В Малороссию, в Одессу. А вы, случаем, не на юг? Может, вместе?
- Что вы, Игнат, я как раз наоборот, в Сибирь, а точнее, в Тобольск.
- Полагаю, вы делаете то же, что и я: совершаете побег от сыскальной полиции, – смотря с таинственным видом в сторону, проговорил Скоробогатов.

– Как же им удалось раскрыть секрет нашей организации? Мне кажется, среди нас был провокатор. Вот узнать бы, кто это, да учинить расправу. Вред от них революционной идее. Таких надо сразу уничтожать и жечь калёным железом!

От волнения он даже сдёрнул с головы шапку и принялся нервно мять её в руках. В горящих глазах замечались тревожные жёлтые всполохи. Он ещё долго что-то говорил озлобленно и пафосно. Аристарх слушал его, видя почему-то перед собой лишь жёлтые глаза. Наконец он несколько успокоился.

– Удачи вам, Аристарх, в революционной борьбе, – торжественно проговорил он, нахлобучивая шапку. – Не будем излишне демонстрировать наше знакомство.

– Вам тоже удачи, Игнат. Может статься, свидимся когда-нибудь.

– Непременно свидимся. Я думаю, наши революционные пути ещё обязательно пересекутся.

Качнуло вагон. Тверь медленно поплыла перед окнами нарядной колоннадой с одной стороны и огромной «чернильницей» с другой. Ближе к Москве стали чаще попадаться засыпанные снегом деревеньки, переезды с полосатыми шлагбаумами, полустанки. На платформе в Москве они обменялись с Павлом Петровичем петербургскими адресами, пожелали друг другу удачи и разошлись.

* * *

Москва встретила Аристарха таким же вокзалом, как и в Петербурге, жуликоватыми извозчиками, клопами в гостинном доме, где он остановился на одну ночь, до утреннего поезда. Аристарх сразу отметил про себя: Москва – это не Петербург. Московские половые и горничные отличались заметным лизоблюдством и до неприятного неестественной угодливостью.

Все события происходят не сами по себе и не случайно, вот, если взять, к примеру, какое влияние на развитие событий могут оказать самые что ни на есть обыкновенные клопы? Оказалось, что могут. Аристарх из-за этих неприятных мелких тварей совершенно не выспался, а потому решил купить билет в первый класс. К слову сказать, и сидеть ему тоже прилично надоело. Тридцать семь рублей было несколько жаль, но он не удержался от желания выспаться.

В путешествии хорошо запоминается только начало пути. После первого дня восторг и любопытство начинают путаться и забываться. Часы, сутки, похожие одни на другие, последовательность событий, меняющиеся лица людей – всё сливается воедино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.